

СОБОЛЕВА АННА

БАЛЛАДА О ЛЮБИМЫХ ВЕЩАХ

К воротам подходят люди, люди, люди...
Так как бывало раньше, уже не будет.
Хиппи, увешанный феньками, хочет ещё плести.
Сразу и не поймёшь, что он зажал в горсти.
- Дай, - говорит - пронести
Этот старый жилет, пацифик, шестидесятые и Вьетнам.
Это мое все, я никому не отдам.
Если здесь ещё не конец и вновь продолжается бой
Можно возьму с собой?

Хиппи просит несмело, зато отчаянно,
Апостол Петр гремит ключами.
Головой качает.

Ролевик спал с лица; как кустарник зачах.
Вот и конец баллады о двух мечях.
Он тащит доспехи ржавые да рубаху из льна.
Это мир его был, а завтра была война.
Если здесь начало берет начало у всех начал.
Виктор Робертович,
Откуда
взялась печаль?

Колышек гнутый с палатки да нож остер.
У него в душе догорает большой костер
Вместе с гитарой старой, издававшей виды, первоосновы.
«Милая моя,
Солнышко лесное».
Думал, только цивилы салфетки свои берегут,
Весь этот глупый хлам, мещанский уют.
Эту тоску-удавку, но хошь не хошь
Оказалось горы тоже не заберёшь.

Эмигранты несли чемоданы, дивились накладке
Уверяли, что паспорт у них в порядке.
А сами украдкой
Пока отвернется апостол Петр
Лепили магнитики на ворота.
Вот я, смотрите, вот я!

Один родился, умру один
Невидимый гражданин.

И столько вещей осталось лежать, принесенных втуне.
Под миром солнечным и подлунным:
Стекляшки, бусы, наклейки и миражи,
Книги и кисти, составлявшие чью-то жизнь.

И нет приходящим воли, закон не нов.
Но каждый надеется, что позволят нести любовь.

Не находить, терять, опять искать
Под тишину, под чей-то голос звонный.
Такая бесконечная тоска
Без возраста, без пола, без сезона

Проходит красной нитью сквозь меня
И сквозь других, застывших в ожидании.
Ничем ее не выбить, не унять,
Но остаётся вглядываться жадно,

Что будет там, что происходит здесь,
Что мир ещё когда-нибудь объемлет
Волшебный свет распахнутых небес,
Сошедший на истерзанную землю.

Что они помнят? Стены, ключи и лезвия,
Ступени, решетки, башни, пески и бруствер.
Кто-то сказал, что замки – это поэзия,
Воплощенное в камне магическое искусство.

Как они жили здесь? Те, что застыли в цифрах,
Те, кто пребыли в жизни, остались в смерти.
Никто не носил на гербе и груди «пацифик»,
Но многим из них случалось быть милосердным.

Чем же наполнены? (Ненавистью? Любовью?) -
Безупречная твердость камня, шершавость стен?
Кто-то был первым, кто пожалел другого.
Подал воды висящему на кресте.

Кто-то выхаживал беглых, детей и раненных

Или записывал, как оно есть и будет.
Время запомнит все стадии умирания,
Но человека запомнят другие люди.

Всякому и всему свой конец отмеренный.
Что от него останется? От нее?
Быть человеком в любое время — аскеза-благословение.
Рыцарство, как любовь,
 никогда не перестает.